



## ПАНОРАМА МИРОВОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ



### Зарубежная философия. Современный взгляд



*Три силуэта в свете двойной звезды — жизни и культуры*

### СИЛУЭТ ВТОРОЙ: НИЦШЕ КАК ФИЛОСОФ ЖИЗНИ\*

*В.П. ВИЗГИН*

Как мы уже сказали, у Людвиг Тика, немецкого романтика, есть повесть «Жизнь льется через край». Так вот, льющаяся через край жизнь — это чувство, эта реальность, эта тема, эта идея — назовите этот льющийся безудержно «предмет» как угодно, можно добавить — это настроение, это переживание, это требование и т.д. — составляет суть того, что можно назвать романтической интуицией *жизни*, которая оформилась таким поразительным образом, как жизнь и творчество Фридриха Ницше. У него эта интуиция стала как абсолютным критерием истины (которую он, правда, подчеркнуто громко отрицал), так и мерилom культуры и человека.

Однако само слово «жизнь», здесь являющееся центральным, он понял не во всей его живой бесконечности. Он проинтерпретировал жизнь, указав на то, какая жизнь является, по его мнению, настоящей. И настоящей жизнью оказалась у него жизнь жестокая к себе и к другим, жизнь правдивая в том наперед заданном смысле, когда быть правдивым значит быть безбожным, гордым, сильным, но самое главное — властным, диктующим свою волю другим, проникающим в глубину сущего, на дне которого абсурд, трагедия, и, полагал Ницше, величие, величие *amor fati*, по крайней мере. И вот эта, земная и даже заносчиво земная жизнь, жизнь индивидуальная, а не интересубъективная и социальная, берущая за образец циничных правителей эпохи Ренессанса, похожая на ту, которую вели такие герои всемирной истории, как Цезарь и Наполеон, умевшие не испытывать угрызений совести, когда им для их непомерно амбициозных планов нужно было жертвовать тысячами людей... Именно в такой жизни Ницше увидел спасение современной культуры от упадка, от ослабления, от изнеженности, никчемной учености и моральности, короче, от *безжизненности*.

---

\*Третья статья серии. Первую и вторую статьи см.: Философские науки. 2010. № 4, 5.

Итак, изначальное восприятие жизни у Ницше оказалось фатально неполным и особым образом преломленным. В чем же это проявилось, если предельно кратко выразить суть дела? В том, что он прошел мимо полноты и высоты той жизни, о которой говорит Евангелие: «Я есмь истина, путь и жизнь». Нет, говорит Ницше, христианство не есть жизнь, напротив, оно есть смерть, упадок, унижение жизни, ее подавление, омертвление и т.п. А где же тогда жизнь? А она в материальности земной силы без руля и ветрил, в той стихийной борьбе одной силы жить с другой силой жить, в которой победой увенчивается наисильнейшая... До точки оглядки жизни на просветляющий и поддерживающий жизнь *смысл* Ницше в своем истолковании и переживании жизни не дошел. Он, прошедший школу протестантско-христианского воспитания, доведший до фанатического культа требование правдивости, честности, интеллектуальной трезвости, так и не смог достичь в своих исканиях точки эпистрофического поворота к Единому с его самообретением личности в поле высшего смысла. Он решил, что может своими собственными силами создать центр притяжения, создать новый идеал, новые ценности. В этом и состоял его проект.

Как можно это наглядно показать? Ницше где-то говорит: «... злоба одухотворяет...» Но ведь такое понимание духа оказывается воплощенным в образе сатаны. В черновых записях к своему итоговому произведению, которое так и не было завершено, он роняет такие слова: «Бог опровергнут, сатана — нет»<sup>1</sup>. А ведь для Ницше нет ничего дороже истины и правды. И вот по правде, как он ее видит, реален лишь сатана, но никак не Бог — эта, как он считает, фантазия слабых, сон-мечта истощенных, кумир рабов... А вот сатана — воплощенная правда жизни. Бескрайность ниспадающей жизни влечет Ницше именно в этом направлении — он идет по линии предельной радикализации планируемого им переворота в ценностях: смелые, гордые, мужественные, сильные изберут своим идеалом, своим лидером, считает он, сатану... Он почти прямо говорит об этом, когда восторгается жестокими завоевателями, отбросившими слабость сострадания ради величия силы и силы такого величия.

Жизнь льется через край — чтобы *упасть*. Отдавал ли себе в том отчет Ницше? Похоже, что он перепутал низ и верх: его стремление дать новые ценности европейскому человечеству, вступившему на путь упадка, или декаданса, можно сравнить с попыткой утвердить такую шкалу ценностей, которая на самом деле была бы лишь имитацией высоты. Платоновско-христианская вертикаль духа вступила для него троянским конем упадка и расслабленности, утешительной лжи, искусного самообольщения жизни. Он провел тщательное исследование антижизненной функции аскетического идеала, забыв при этом о том, что, как говорится в прологе Евангелия от Иоанна, в Слове, бывшем в начале у Бога, «была жизнь, и жизнь была свет человеков» (Ин. 1:4).

«Ницше, а вместе с ним и современный человек, — говорит Ясперс, — не живет больше связью с Единым, которое есть Бог, но существует как бы в состоянии свободного падения, связанный лишь путеводной нитью христианского единства человеческой истории; он (т.е. современный человек. — В.В.) падает навстречу лишенному Трансценденции Единому, которое составляет этот мир и историю человечества, и лишь по мере своего падения обречен вместе с Ницше узнать, что эта всемирная имманентность вовсе не существует как нечто *единое*. Единство распадается, и случай становится последней инстанцией, хаос — подлинной действительностью, фанатизм — единственной опорой, лишь бы схватиться за что-нибудь; вселенское Целое предстает экспериментальной мастерской, и человек, обманывая самого себя, принимается планировать это Целое, но в глубине души не может не сознавать обмана — и вот все выше, все мощнее подымается Нигилизм»<sup>2</sup>. Имманентное с отсеченной от него трансценденцией саморазлагается. Отвергнутая вертикаль не исчезает, а оборачивается антивертикалью падения. Совокупность симптомов этой роковой диверсии против теокосмического порядка и обозначается страшным словом «нигилизм»<sup>3</sup>.

Ницше философствует от имени жизни, целиком и полностью отождествляя себя с ней — как бы жизнь при этом ни понималась. Непротиворечивой концептуализации жизни у него не было и не только потому, что он не успел до наступления безумия окончить свой главный теоретический труд. Мы должны отдавать себе отчет в том, что противоречия в логике построения философии жизни у Ницше неизбежны в силу несовместимостей в структуре его ментальных диспозиций и мотивов. Эту ситуацию мы проясним в дальнейшем. Теперь же отметим, что важнее, чем непротиворечивая теория, сам факт экзистенциального отождествления себя со своей идеей — идеей жизни как воли к власти. В качестве живого индивида Ницше разыгрывал роль персонифицированного воплощения своей недоконцептуализированной «жизни» с ее «ценностями».

Столь же внутренне напряженно и органично переживает Ницше и свое самоотождествление с европейской культурой в ее творческих истоках (как он их понимает). И суть всего феномена Ницше мы видим в том, что в нем экзистенциально и интеллектуально отождествились желаемый им союз жизни и культуры с их несовпадением и враждой. Ницше должен был в самом себе соединить несоединимое: внутреннюю связь жизни и культуры и их же конфликт. Раскроем эту ситуацию в комплексе «жизнь — культура». Ницшевский культурно-исторический идеал всегда характеризовался отождествлением в нем жизни и культуры<sup>4</sup>. Исторически это отождествление определялось дионисийской традицией греческой культуры в ее интерпретации Ницше. Победа аполлоновского начала в постсократическую эпоху обнаружила, считает он, трагический разрыв жизни и культуры, ставшей культурой истины, морали, добра вместо прежней культу-

ры *жизненной* жизни. Христианство только усугубило этот разрыв, установив культ антижизненного Бога. Жизненным же Богом был и всегда оставался для Ницше Дионис.

В морали добра и разума, в рационалистической этике, в идеалах платонизма и христианства, этого, по Ницше, «платонизма для народа», жизнь переживалась как стихия, долженствующая подчиняться высшим ценностям, конечным источником которых в христианстве считался трансцендентный Бог. Иными словами, то, что для Ницше выступило кричащим разрывом, направленным против ценностей жизни, большинством людей воспринималось как закономерное подчинение высшему низшего. По Ницше, ситуация такого двойного разрыва с земной жизнью как с самоценностью (Христос лишь довершает дело Сократа) и служит истоком как опасного упадка самой жизни (причина декаданса), так и упадка культуры (сам декаданс).

Особенно остро последствия этого разрыва, говорит философ, проявились в век демократической цивилизации и научно-технического прогресса. Он отмечает в связи с этим рост противожизненной эрудиции, механизацию жизни, превращение людей в «винтики» социальных и производственных машин, делающих их «частичными людьми» (здесь сходство с Марксом бросается в глаза), умаление достоинства индивида, падение силы творчества и, напротив, рост способностей к репродуктивной деятельности, наконец, ту самодовольную пошлость и стадность, в язвительных выпадах против которых Ницше солидаризуется с другими критиками буржуазной цивилизации (например, с К. Леонтьевым).

Свою миссию как спасителя культуры и, одновременно, целителя жизни Ницше видит в том, чтобы восстановить живое единство жизни и культуры, ориентируясь при этом на то, как оно наличествовало, по его мнению, в досократической Греции, в ее культуре, развертывающейся вокруг дионисийских мистерий. Следуя зову такой миссии, Ницше выдвигает свои ключевые идеи-символы, идеи-мифы (сверхчеловек и вечное возвращение). По отношению к ним идея воли к власти выступает как более доступная для последовательной концептуализации. Правда, этому замыслу в полной мере сбыться не удалось. Исповедуя «всемирную дробность» враждующих сил, ставя под сомнение всякий единящий их смысл, высмеивая логику и пародируя традицию, дезавуируя истину в пользу заблуждения и превознося иллюзию и силу в ущерб разуму и праву, Ницше не мог не надорваться в этой претенциозной активности, нацеленной на то, чтобы в условиях такой картины мира дать человеку новые ценности, способные воодушевить его на твердое «да!» абсурду бытия.

Сделав эти рамочного типа замечания, обратимся теперь к раскрытию тех концептуальных ходов Ницше, в которых обнаруживается его понимание жизни, культуры, ценности и, главное, их связи. Уже при вопрошании о соотношении принципа жизни с

принципом воли к власти мы сталкиваемся со своего рода кругом и противоречием. Действительно, Ницше истолковывает все сущее (бытие) как жизнь. Именно жизнь и только она для него единственно приемлемый образец и масштаб для понимания и оценки того, что значит существовать. «Бытие — мы не имеем никакого представления о нем как: "жить". Как же может "быть" что-нибудь мертвое?» — вопрошает он<sup>5</sup>. Бытие представимо только как живое. Это — тезис виталистической онтологии.

Жизнь как центр мысли философа не подводится безоговорочно и под понятие воли. Ницше восстает против шопенгауэровской метафизики воли, выступая адвокатом жизни («Сумерки идолов»). Казалось бы, онтологический приоритет жизни установлен безоговорочно и окончательно. Но Ницше хочет быть не только *философом жизни*, но и *метафизиком воли к власти*. И в соответствии с этим жизнь оказывается у него лишь одной из форм воли к власти. «Жизнь, — говорит он, — есть частный случай, нужно оправдывать всякое существование, а не только жизнь, оправдывающий принцип это такой, из которого объясняется жизнь»<sup>6</sup>. И что же это за высший принцип? Это принцип воли к власти, получающий у Ницше все признаки метафизического начала, т.е. последнего основания. Так, например, говорит он, «воля к власти не может возникать»<sup>7</sup>. «Жизнь, — подчеркивает мыслитель, — только *средство* к чему-то: она есть выражение форм роста власти»<sup>8</sup>. Сведение жизни к одному из частных проявлений роста воли к власти явно противоречит тому, что утверждалось как виталистическая онтология, когда бытие не-живого отрицалось однозначным образом. Нет, говорит теперь Ницше, есть и неживое, подводимое под более общий принцип, чем жизнь — под принцип воли к власти. Такова вся неживая природа, в которой тоже действует этот принцип.

Итог этим противоречивым высказываниям мы могли бы подвести таким образом: в основании философии жизни Ницше лежит метафизика воли к власти. Философствование и метафизика здесь не совпадают в бесконфликтном тождестве, как это обычно предполагается в классической традиции. Экзистенциально Ницше — с «жизнью», он сам себя считает средоточием жизни, ее искупителем и целителем. Но как интеллектуальная категория жизнь у него подчинена концепту воли к власти, играющему роль последнего метафизического основания. Таким образом, экзистенциально-личностная самоидентификация, с одной стороны, и интеллектуально-понятийная — с другой, у него расходятся. Но опять-таки, это не означает, что жизнь совсем Ницше не концептуализируется. Нет, он сознательно выбирает определенную форму биологистского принципа для конкретизации своего витализма. И здесь снова ведущим мотивом выступает выбор культур-исторического идеала, осознание Ницше своей миссии воскресителя изначальной раннегреческой «культурыжизни» или «витокультуры».

«Школа Дарвина», безусловно, не могла не повлиять на Ницше, особенно в его средний, позитивистский период. Но главным фактором выбора недарвиновского биологистского принципа была не критика дарвинизма такими философствующими биологами, как, например, В. Рольф, а, как мы сказали, *витокультурная миссия*, носителем которой осознал себя Ницше. И поэтому биологистский принцип должен ориентировать сознание и действие не на сохранение жизни благодаря пассивной адаптации к среде, а наоборот, на ее рискованное расширение, стремление к усилению, подъему, росту власти и господства над средой. Только такого рода биологизм может быть сублимирован, считает Ницше, в новые высшие ценности. Направление эволюции должно определяться, по Ницше, не экономией и приспособлением, а значит, триумфом посредственности и стадности, но ростом способности к самой щедрой трате жизненных сил. Этот тип биологизма свидетельствует о никогда не умиравшем у Ницше дионисизме его культур-исторического идеала, в соответствии с которым именно такая трата сил на гребне их творческого подъема выступает как критерий жизненной ценности культуры и индивида. Итак, главное в жизни, как ее понимает Ницше, не в том, чтобы приспособиться, механически перегруппироваться, «смиикрировать» умно и ловко, сохранив свое существование, а в том, чтобы создать новое, более высокое, более сильное и полное жизненной энергии существо. Это биологизм эстетизированной мощи, безудержности творческой силы. Если даже подобного рода научной биологии и не существовало, то для Ницше, тем не менее, важно, чтобы биология как знание о жизни воспринималась не объективистски-научно, а как практическая мораль, а законы биологии — как каноны сознательной установки живущего, отождествляющего себя с самой сущностью живого. Ницше хотел перевести научные утверждения биологии в план сознания и свободы человека, сделав их мировоззренческим и мотивационным его центром.

С понятием жизни связано понятие ценности, одно из основных у Ницше. В основе операции оценивания лежит своего рода круг: придавать ценность чему бы то ни было может то, что самоценно. Иными словами, следует предположить существование абсолютной ценности, что, вообще говоря, уже противоречит ницшевской идее ценности как того, что полагается лишь в отношении и благодаря отношению к субъекту как центру сил (перспективизм). Самоценна же, по Ницше, говоря метафизически, воля к могуществу, а, говоря социологически, аристократия. Оценка — прерогатива господ. Их вкус выступает у Ницше легитимным законодателем культурных предпочтений всего общества. Сама законность жизни, персонифицированная в фигуре благородного представителя касты господ — над собой и над другими — и есть источник ценностей, их полагания и созидания.

Если на уровне последнего метафизического основания использование Ницше понятий жизни и воли к власти и создает впечатление дуализма, то при переходе на уровень анализа понятия ценности мы убеждаемся, что эта двойственность иллюзорна. Действительно, ценность есть в равной мере характеристика и жизни, и воли к власти. Категория ценности следует из таких онтологических предпосылок Ницше, согласно которым вещи сводятся к динамическим центрам сил, вступающим друг с другом в отношения борьбы, соперничества, использования, подчинения и т.п. Ценность, понимаемая Ницше как характеристический сущностный атрибут воли к власти, выступает у него в качестве метафизического принципа. «Все оценки, — говорит Ницше, — только следствия и более узкие перспективы на службе у этой единой воли. Само оценивание есть только эта "воля к власти"»<sup>9</sup>. Кстати, «единство» воли в его философии жизни следует как раз поставить под сомнение. О единстве воли можно говорить применительно к учителю молодого Ницше — к Шопенгауэру, но не к позднему Ницше. Воля к власти у него, напротив, множественна, дробна: «Каждый центр сил, — говорит он, — имеет по отношению ко всему остальному свою *перспективу*, то есть свою вполне определенную *оценку*, свой способ действия, способ сопротивления»<sup>10</sup>. В метафизике воли к власти каждый центр такой воли выстраивает вокруг себя целый мир ради роста своего могущества в борьбе с другими подобными центрами. Перспектива — расчет полезности вещей и ситуаций для некоторого витального центра сил. Когда Ницше говорит, что «применение морального различия имеет лишь значение перспективы»<sup>11</sup>, то он хочет этим сказать, что моральных «вещей» не существует, что мораль существует только как орудие борьбы, как оценка, выступающая средством для определенного центра воли к власти. Иными словами, перспективистская теория морали лишает мораль какой бы то ни было онтологической значимости.

Ценность есть характеристика *избирательности* действия принципа жизни как воли к власти. Каждое сущее видит другое сущее глазами своего витального интереса: сколько глаз, столько и истин. Следовательно, заключает Ницше, единой истины не существует. Но подобный релятивистский тезис противоречив: как претендующий на универсальную значимость он имплицитно признает истину, которую эксплицитно отрицает. Противоречие гносеологии Ницше можно выразить еще и так: он стремится элиминировать понятие истины, сохранив, однако, при этом его противопонятие — заблуждение, которое, однако, утрачивает свою легитимность, если провести такую элиминацию. Фактически категория истины заменяется идеей ценности, выступающей у него своего рода тараном против классической философии. Если оценки являются решающим фактором в вопросе об истине, то это значит, что ими же определяется и то, что зовется реальностью: «В какой мере отдельные *теоретико-познавательные*

учения (материализм, сенсуализм, идеализм) являются следствиями оценок: источник высших чувств удовольствия ("чувств ценности") является решающей инстанцией также и для проблемы *реальности*!<sup>12</sup>. Не разум с его объективной истиной, а именно «чувства ценности», витальным смыслом нагруженные аффекты суть своего рода «окна» в реальность. Критерий истины, а значит, и реальности, говорит Ницше, — исключительно «биологическая полезность»<sup>13</sup>.

Биологический масштаб, применяемый Ницше для построения метафизики воли к власти, очевиден. С одной стороны, частнонаучное биологическое знание превращается тем самым в философское учение, а с другой — оно деформируется Ницше в силу его транснаучных императивов, прежде всего требований его эстетизированного культур-исторического идеала, против которого его позитивистски-сциентистские увлечения оказались в конце концов бессильными. Еще более рельефно мысль о критерии оценивания выражена в таком фрагменте: «В оценках находят свое выражение условия *сохранения и роста*»<sup>14</sup>. Точкой отсчета в создании ценностных картин мира (существенно, что их много) является отнесение всего сущего к условиям сохранения и роста данного сущего («центра сил»). И другого мира, кроме того, что видится в зеркале подобного оценивания, не существует. Так называемый «истинный мир», например, мир платоновских идей — это, считает немецкий философ, мир, вымышленный ради практических целей оценивающим субъектом. «Мы спроецировали, — говорит Ницше, — условия *нашего* сохранения как *предикаты сущего* вообще. Из того, что мы должны обладать устойчивостью в нашей вере, чтобы преуспевать, мы вывели, что "истинный мир" не может быть изменчивым, а только *сущим*»<sup>15</sup>. Такой редукционизм по отношению к истине неотделим от метафизики воли к власти в философии жизни Ницше. Подчеркнем еще раз тождество воли к власти, с одной стороны, и жизни — с другой, на уровне ценностного подхода. Действительно, «ценность для жизни, — замечает Ницше, — является последним основанием»<sup>16</sup>, причем «само оценивание есть воля к власти».

Не следует думать, однако, что Ницше ограничивается переносом элементов биологического знания в свою философию, пролагая путь прагматизму и постмодернизму XX в. Нет, он широко применяет свои утверждения в критическом анализе современной ему европейской культуры. Прежде всего, он типологизирует ее ценности соответственно основным биологически определяемым различиям. Так, например, Ницше различает ценности сильных и ценности слабых, ценности жизни восходящей и ценности жизни, клонящейся к упадку. Более того, он не ограничивается статикой подобных типологий, а применяет их для описания динамики культуры в истории. Именно в этом он видит свои важнейшие открытия: «Я открыл, — пишет Ницше, — что все высшие ценности, господствовавшие над человечеством, по крайней мере,

над укрощенным человечеством, могут быть сведены к оценкам истощенных»<sup>17</sup>. Под этими «высшими ценностями» он имеет в виду ценности сократовско-платоновской и христианской культуры. «Суждения истощенных, — говорит он, — проникли в мир общих ценностей»<sup>18</sup>. А эти суждения, по Ницше, витально дефектны и поэтому должны быть заменены другими — витально эффективными. В такого рода высказываниях и проявляется уже отмеченное нами экзистенциально наполненное, активное отождествление себя с жизнью и культурой в их предполагаемом единстве.

Тематика жизнеотрицания, подверстывающаяся под философский *пессимизм*, у позднего Ницше подвергается критике, заменяясь проблемой *нигилизма*. Для него речь идет уже не о том, что пессимизм угрожает жизни, ее полноте, творческим силам человека. Нет, «самым жутким из всех гостей», когда-либо посещавших человечество, является *нигилизм*, а пессимизм, упадничество — только его симптомы. *Нигилизм* — это «зависание» человека между двумя позициями, между, с одной стороны, утратой веры в «истинный мир» (эти слова Ницше ставит в кавычки) религии и философии, а с другой — еще не наделенной оправданием, но уже проснувшейся верой исключительно в посюстороннюю жизнь, в то, что только она является настоящим и единственным миром. Цель Ницше в его миссии спасителя культуры и целителя жизни и состоит в том, чтобы, создав «новое небо» над спасаемой тем самым «землей», достичь этого оправдания, к которому человек современности явно увлекается всем потоком истории с ее центральным событием — с богоубийственным закатом религий и метафизики.

Соотношение сферы смысла и сферы жизни Ницше переоценивает в пользу последней. Сфера смысла — мир идеалов, религиозные и нравственные ценности. Сфера жизни, по Ницше, как мы видели, определяется его метафизикой воли к власти<sup>19</sup>. И он безоговорочно провозглашает приоритет жизни по отношению к смыслу, применяя для обозначения этого превосходства такие слова: жизнь есть цель, а сознание — только средство для нее и т.п. «*Сознательный мир*, — говорит Ницше, — не может считаться *исходным пунктом ценности...* Мы не имеем никакого права считать этот клочок сознательности целью целого феномена жизни, его "почему". Совершенно очевидно, что сознательность есть лишь средство для развития жизни и расширения ее власти. Поэтому наивно было бы возводить удовольствие, или духовность, или нравственность, или какую-нибудь другую частность<sup>20</sup> из сферы сознания на уровень верховной ценности и, может быть, даже с помощью их оправдывать "мир"... Это мое основное возражение против всех философско-моральных космоидей, против всяких "почему", против *высших ценностей* прежней философии и философии религии. Известный вид *средств* был неправильно взят как *цель*, жизнь и повышение власти были, напротив, низведены до уровня *средства*»<sup>21</sup>.

У Ницше жизнь никогда не подозревается и не ставится под вопрос: она у него всегда права и за ней ничего другого в качестве цели и ценности не предполагается. Напротив, все остальное должно получить у жизни — через свою связь с нею и соучастие в ее работе — свое оправдание. Жизнь у Ницше — своего рода имманентный Бог, сама реальность как таковая в ее самоактивном средоточии и в ее непостижимости, в ее безусловном превосходстве над всякой концептуализацией и осмыслением<sup>22</sup>. Жизнь борется, распространяется, растет, рискует, цветет, гибнет. Но она всегда стремится к своему расширению и самоутверждению, к усилению, умножению мощи или власти. Ее приключения ответственны за все фантомы сознания — за фантом сознания как такового. Бездна бытия или бытие как бездна, приоткрывшееся перед европейцем в конце классической эпохи (конец XVIII — начало XIX вв.), обнаружилось в подъеме философии жизни (вторая половина XIX в.), наукообразная форма подачи которой не смогла заглушить ее мифологическое звучание. Действительно, по Ницше, наиболее близкими к жизни способами ее схватывания выступают в конечном счете интуиция и инстинкт — ее полномочные представители в мире познания. Разум и рассудок он стремится «прочитать» тоже сквозь виталистические концепты — через инстинкты жизни, через стремление к самосохранению, выживанию и, главное, росту силы. Тем самым философия жизни Ницше пролагает путь прагматизму и подобным ему истолкованиям познания.

Два понятия, как минимум, нужно иметь в виду, когда мы пытаемся представить себе, что же понимал Ницше под жизнью. Это, во-первых, *становление* и, во-вторых, *величие*. Алогическое становление прежде всего величественно — «цинично и непорочно», наделено мощью, самостоянием и поэтому достоинством и независимостью. Кроме того, с жизнью как волей к власти у Ницше связывается тема априорно предполагаемой трагедии в основании мира, открываемой, как он считает, при постижении ее правдивым взглядом. Различие между величием и трагизмом, по Ницше, примерно таково: трагедия — это план онтологии (онтология рока, или судьбы), а величие — деонтологический план, т.е. то, к чему надлежит стремиться, чем должно быть, чего следует добиваться. Если величие — мера для оценивания живущих, то трагедия — характеристика жизни под властью рока. Величие означает высоту жизненного и, значит, культурного ранга, самодостаточность, красоту и мощь. Величие, в конце концов, в том, чтобы вынести трагедию бытия, даже абсурд, сказав ему свое «Да будет так!» (принцип *amor fati*).

Над жизнью и творчеством Ницше витает презумпция того, что результат познания непременно должен быть трагическим, что истина чудовищна и не несет с собой ни утешения, ни красоты, ни, тем более, блаженства. Правда жизни, считает он, страшна и сурова. Априорные условия возможного опыта познания мира можно определить только

в терминах ужаса и трагедии. Опыт тождествен «грустному опыту»<sup>23</sup>. Итак, познание и сама жизнь у Ницше изначально поставлены в перспективу трагедии. Почему? При попытке ответить на этот вопрос нужно иметь в виду, конечно, и наследие шопенгауэровского пессимизма и собственный личный опыт философа-романтика в эпоху постромантизма. Это, наконец, и результат раннего и понищевски надрывного разрыва с христианством.

Величие жизни в том, что она существует — должна существовать, по Ницше, — без какой бы то ни было надежды на поддержку со стороны трансцендентных сил, без веры в Бога. В том, считает Ницше, ее достоинство. Правда, с одной стороны, он не отрицает за религией, за культурой монастырей, в частности, важной роли в воспитании человека с аристократическим комплексом качеств (этому служат строгая дисциплина, суровое отношение к себе самому и т.п.). Все эти качества он оценивает позитивно, противопоставляя человека, прошедшего такую школу, современному секуляризованному человеку с чрезмерной изнеженностью, переутонченностью, с повышенной нервной возбудимостью и с пониженной энергией жизни и творчества, т.е., одним словом, «декаденту». Но, с другой стороны, мы знаем, что именно христианская религия, по Ницше, является одним из главных источников декаданса. В этом обнаруживается еще одно из многочисленных противоречий немецкого философа, усвоившего себе внутренне несовместимые ценностные позиции (критика современности с ее наукообразным атеизмом и, одновременно, критика религиозного сознания, опирающаяся на научный позитивизм). Ницше, может быть, устроила бы религия без религии, точнее, без трансценденции — религия земли, благочестие чистой посюсторонности. Он и попытался выработать именно такое «благочестие», создав его символический каркас — «вечное возвращение» и «сверхчеловека».

Интеллектуальная ошибка Ницше при концептуализации жизни в том, что он обеднил многомерное, даже бесконечномерное начало жизни, превратив его в катафатическое биологистское понятие, отбросив его апофатическую глубину и антиномическую структуру. Суть антиномизма идеи жизни кратко можно обозначить как совмещение взаимоотрицающих друг друга тезиса и антитезиса. Позиция Ницше состояла в том, что он принял только тезис, отказавшись от антитезиса. О каком тезисе идет речь? «Жизнь, — говорит Ницше, — кончается там, где начинается “Царствие Божие”»<sup>24</sup>. Антитезис, соответственно, должен звучать так: жизнь начинается в Царствии Божиим («Я есмь путь, истина и жизнь» — Ин. 14:6). Иными словами, Ницше отказался от трансцендентного измерения жизни, сведя ее всецело к рассудочной имманентности (вопреки своему собственному романтизму). От вечности жизни у него осталась только ее выморочная тень — «возвращение того же самого», являющееся на самом деле триумфом не жизни, а плоского

механицизма, подчинившего себе мир. Жизнь как тайну, как объемлющее и пронизывающее мир начало всеобщей одухотворенности, что знали, кстати, досократики, которым он симпатизировал, он исключил из своего понятия о жизни в пользу одномерного «вечного возвращения» и «воли к власти». Положив в основу своей философии искусственную и нежизненную пару суждений (жизнь — антибожественна, Бог — антижизнен), он создал явно искажающую суть дела конструкцию, способствующую примитивизации мысли и облегчающую производство соответствующего морального пафоса, подчеркнуто имморалистического и антиморального. Почему он так поступил? Потому что не любил божественное как таковое, а любил только «человеческое, слишком человеческое», не догадываясь о нерасторжимой связи одного с другим? Или это был просто «рессантиман», мстительное чувство в адрес христианской морали, для которого в его личной жизни, вероятно, были основания? Так как его антихристианство действительно было неистовым, то можно сказать, что не исключена и такая версия. Нам важно подчеркнуть логическую несостоятельность понятия Ницше о жизни.

Отметим еще одно противоречие философии жизни Ницше. Преклоняясь перед дионисийством греков, он истолковал жизнь как *хаос сил*, отказавшись тем самым от идеи космоса и гармонии. Но даже его любимые досократические мыслители (к Гераклиту он был особенно неравнодушен) понимали мировую жизнь именно как космос, т.е. как прекрасный порядок и слаженность всего со всем, поддерживаемые логосом, или нусом, т.е. разумом. Все они были космоцентристами, в то время как сам Ницше — «хаоцентрист». Его индивидуалистический витализм тяготеет к онтологической анархии и акосмизму. У греков же, напротив, индивидуальное как частное, т.е. частичное и отколовшееся от целого, было подчинено суровому суду логоса и номоса (единственный сохранившийся фрагмент Анаксимандра красноречиво говорит о том).

Итак, мы видим, что исходные позиции для производства оценок и суждений у Ницше не согласуются между собой. Его эстетизм заставляет его более взвешенно относиться к христианской культуре, что вполне вписывается в образ Ницше-романтика. Однако ницшевский биологизм с его жестким редукционизмом по отношению к христианской морали, его волюнтаризм и преклонение на этой основе перед язычеством древних определяют прямо противоположные оценки.

Что же произошло в результате всех этих коллизий жизни и ценности у Ницше? Ценности здесь выступают как то, что дает смысл возникнуть: жизнь, реализующая ценности, является осмысленной. «Красивое» устранение «истинного мира» (а то, что эстетические аргументы или соблазны были здесь не последней сиреной, доказывать не приходится), включая «богоубийство», Ницше разрывает пусть и трагическими, но по-своему привлекательными

красками спасения жизни. А иначе и быть не может, раз «истинный мир», как он говорит, был «опаснейшим покушением» на жизнь<sup>25</sup>. Получается, что для спасения жизни нужно убить ее смысл! Смысл, мол, пришел в негодность, в упадок, вера в него утратилась, он стал антижизненным (по Ницше, он с самого начала был таковым). Ницше остается в плену ложной дилеммы: или опасное покушение на саму жизнь (со стороны смысла) или не менее опасное покушение на смысл (со стороны защищающейся жизни). Из такой дилеммы не было выхода, кроме попытки создания нового смысла — начертания скрижалей новых высших ценностей. В этом и состоял его рискованный эксперимент с переоценкой всех ценностей. Подчеркнем: ценность как позиция, как идея и функция не была при этом преодолена. Переоценке была подвергнута не сама идея ценности как таковая, а только ее конкретное исторически возникшее наполнение. В результате метафизика субъекта как метафизика ценностного отношения осталась не преодоленной.

Нам остается подвести итоги. Задача, которую ставил перед собой Ницше в своем эксперименте с культурными ценностями, была невыполнимой. Предпринятое Ницше разоблачение идеалов оставляло нетронутой потребность в идеале. Остаться с одной vitalностью оказалось невозможным. «Больной зверь» нуждается в излечении и для этого ему все равно нужны ценности, идеалы, цели. В конце концов, Ницше все же провел свой грандиозный эксперимент с высшими ценностями. И этот опыт, надо в этом признаться, провалился. Человечество не усвоило себе ницшеанских идеалов. «Вечное возвращение того же самого», «сверхчеловек», «воля к власти» и «смерть Бога», открывшая путь к этим идеям-мифам, стали не более, чем симптоматикой глубокого кризиса культуры и человека в технократической секуляризованной цивилизации. Воля к власти как метафизическое средоточие этого процесса стала, по слову Хайдеггера, «волей к воле», так как какое-то особое содержание воли, отличное от нее самой, как выяснилось, отсутствует.

Своей философией жизни Ницше стремился радикально перестроить категориальный мир за счет устранения таких понятий, как «вещь», «субстанция», «бытие». Но становлению нужен становящийся, сохраняющий свою идентичность. Мышление подобно магниту: пытаясь устранить один из его полюсов, мы сталкиваемся с самовосстановлением его двуполусности.

Ницше попытался «небо» без остатка растворить в «земле», но при этом саму землю сделать «небом» — идеалом, в котором не было бы и тени трансценденции. Но земля была для него как «правда» и как «истина» трагедией: обезбоженность, пустота нигилизма, безысходность алчности и смерти, войны и насилия. И всему этому по логике ницшевского идеала надо было говорить громкое «Да!», причем, чем громче, тем лучше, ибо тем мужественнее принятие жизни, тем благороднее позиция.

Но «небо» и «земля» — взаимосвязанные подсимволы целого символа: невозможно устранить один конец их связи, оставаясь при этом наедине с нетронутым другим. Связка при подобной операции самовосстанавливается. И действительно: после «крутых» ницшевских опытов «небо» только проясняется: «небесные» коннотации «земли» обретают новые силы и земная цивилизация с ее искренними или лицемерными заботами о правах человека, о научно-техническом прогрессе, обо всем благоустройстве человека на земле снова видится «размокшей баранкой», плавающей в «молоке» небесной премудрости.

И мысль теперь понимает ясно: сама ее ясность в том, чтобы непостижимое называть непостижимым и хранить тайну в качестве таковой. Мысль простирает теперь свою заботу если и не на полную действительность трансцендентного (что превышает ее возможности), то, по крайней мере, на саму возможность символической связи с ним. Иными словами, интеллектуальная честность мысли, (так высоко ценимая Ницше), теперь не в том, чтобы разоблачать святое и третировать священное как фикцию, а в том, чтобы сказать: «Стоп! Здесь святое! Назад!»

Еще одна интеллектуальная ошибка Ницше, на наш взгляд, состоит в том, что он отождествил смысл с ценностью. Однако сфера смысла в отличие от ценности неотделима от онтологического измерения. По отношению к *смыслу* ценность поэтому выступает как его деградированный в силу чрезмерной субъективизации синоним. Но Ницше отождествляет смысл и ценность, приравнивает его к ней. В результате возникает усеченный и доступный для произвола субъекта ценностный знак или знак ценности, который может силовым методом инвестироваться в вещи или изыматься из них. Поэтому герменевтика Ницше оказывается по сути своей агрессивно-насилованной. Истолкование как агрессия, как средство борьбы ничем не сдерживаемых сил стало постулатом для его постструктуралистских последователей. Итак, сила (произвола) субъекта властна, в конечном счете, над ценностью, но не над *смыслом*.

Принимая к сведению уроки эксперимента Ницше с высшими ценностями, мы уже не можем считать *жизнь как таковую* всегда правой, не чувствуя при этом высшей оправданности того, чтобы разумом и верой наставлять ее, выправлять ее стихийные импульсы, оформлять ее хаотическое кипение. Иными словами, эксперимент Ницше своим результатом способствует возвращению *логосу* тех прав, в которых европейский человек усомнился. Его опыт продемонстрировал нам границы всех возможных философий жизни — они в себе не полны, если не дополнены философиями логоса и разума. *Жизнь, исходя из самой себя в своей земной имманентности, бессильна дать себе действительно прочный смысл*. Сфера смысла превосходит сферу непосредственной изменчивой жизненности и, тем более, никак не может быть к ней сведена. Так мы можем

сформулировать один из главных уроков, извлекаемых нами из опыта Ницше с переоценкой ценностей.

Провал эксперимента Ницше с высшими ценностями культуры, эксперимента, проводившегося им как бы от лица самой жизни, свидетельствует об устойчивости смысла как тоже жизни, устранив от которой чисто биоподобная жизнь оказывается несостоятельной в своих претензиях на полагание нового смысла, исходя только из самой себя.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup>Ницше Ф. Полн. собр. соч. Т. 12. Черновики и наброски 1885 – 1887 годов. – М., 2005. – С. 34.

<sup>2</sup>Ясперс К. Ницше и христианство. – М., 1994. – С. 55.

<sup>3</sup>О нигилизме см.: Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Хайдеггер М. Время и бытие. – М., 1993. – С. 63 – 176; Визгин В.П. На пути к другому. От школы подозрения к философии доверия. – М., 2004. – С. 261 – 269, 280 – 282. История термина «нигилизм» глубоко проанализирована А.В. Михайловым: Михайлов А.В. Обратный перевод. – М., 2000. – С. 537 – 623.

<sup>4</sup>Культурность культуры для Ницше, впрочем, измеряется максимумом ее антикультурности или природности (еще один парадокс). Культуру как результат дрессировки жизненных инстинктов разумом и моралью он включает в кавычки (как «приручение»). Этот ход мысли сближает Ницше с Руссо (см.: Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. – М., 1994. – С. 324).

<sup>5</sup>Там же. – С. 271.

<sup>6</sup>Там же. – С. 336.

<sup>7</sup>Там же. – С. 329.

<sup>8</sup>Там же. – С. 336.

<sup>9</sup>Там же. – С. 263.

<sup>10</sup>Там же.

<sup>11</sup>Там же. – С. 113.

<sup>12</sup>Там же. – С. 270.

<sup>13</sup>Там же. – С. 273.

<sup>14</sup>Там же. – С. 233.

<sup>15</sup>Там же.

<sup>16</sup>Там же. – С. 229.

<sup>17</sup>Там же. – С. 61.

<sup>18</sup>Там же.

<sup>19</sup>Там же. – С. 300.

<sup>20</sup>Пафос всеобщности соединяет Ницше с традицией немецкого идеализма, но видит он ее не в разуме с его логикой, а в алогичной жизни.

<sup>21</sup>Ницше Ф. Воля к власти – С. 337. Перевод слегка отредактирован нами. – В.В.

<sup>22</sup>Ницше, однако, как мы видели, ее жестко концептуализировал. Вот еще одно противоречие его философии жизни.

<sup>23</sup>Кстати, не есть ли это то самое «оклеветание жизни», с которым так страстно борется сам Ницше? Еще одно противоречие его философии (см.: *Ницше Ф. Собр. соч. Т. II. По ту сторону добра и зла.* – С. 136).

<sup>24</sup>*Ницше Ф. Соч. В 2 т. Т. 2.* – М., 1990. – С. 575.

<sup>25</sup>*Ницше Ф. Воля к власти.* – С. 273.

### Аннотация

Третья статья серии продолжает тему анализа взаимосвязи жизни и культуры в традиции философии жизни, начатую в предыдущей работе, посвященной Дильтею. В ней вскрываются глубокие противоречия философии жизни Ницше. Показывается несостоятельность попытки Ницше концептуализировать феномен жизни без обращения к идее превосходящего ее смысла. В частности, автор показывает ложность дилеммы, в плену которой остается мышление немецкого философа: или цветущая жизнь, лишенная высшего смысла, или безжизненный смысл. Тем не менее экзистенциальный опыт, проделанный Ницше, избавляет нас от искушения его повторения.

### Ключевые слова

Ницше, жизнь, культура, философия жизни, ценность, нигилизм, воля к власти, витокультурная миссия, смысл.

### Summary

This paper is the continuation of the previous article focused upon the Dilthey's figure as a representative of the European philosophy of life. In the center of the author's analysis stands the problem of correlation between the life and culture within Nietzsche's philosophy. The paper demonstrates the profound contradictions of this philosophy. In particular the conceptualization of life by Nietzsche based upon the wrong dilemma: either the strong and flourishing life but without its sense or the totally lifeless sense. But in spite of this failure the Nietzsche's existential experience preserves his validity for us.

### Keywords:

Nietzsche, life, culture, philosophy of life, values, nihilism, will-to-power, vitocultural mission, sense.